

European Journal of Literature and Linguistics

№ 3 2020

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
№ 3 2020

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

Erika Maier, Germany Doctor of Philology

International editorial board

Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Allakhverdyan Tamara Nikolaevna, Ukraine, Doctor of Philology
Belous Viktor, Ukraine, Ph.D. of Philology
Dmitrieva Olga Alexandrovna, Russia, Doctor of Philology
Ivanyan Elena Pavlovna, Russia, Doctor of Philology
Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia, Doctor of Philology
Jasna Potočnik Topler, Slovenia, PhD of Literature
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology
Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology
Muhamed Mustafi, Macedonia, PhD in Philology
Obraztsova Olena, Ukraine, Doctor of Philology
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Rechad Mostafa, Morocco, PhD in Linguistic
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Vorobyova Olga Ivanovna, Russia, Doctor of Philology
Zholshayeva Maira Satibaldiebna, Kazakhstan, Doctor of Philology
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o.
Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSC 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at:
<http://ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

GIF® The journal has the GIF impact factor .264 for 2019.
GLOBAL IMPACT FACTOR

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-3-3-7>

Barkar Uliana,

*Ph. D. in Philology, senior teacher, Faculty of Foreign Philology,
Mykolayiv V. O. Sukhomlynskyi National University, Ukraine*

E-mail: uliana.palivoda@gmail.com

Chernega Svitlana,

*Ph. D. in Philology, Associate Professor, Faculty of Foreign Philology,
Mykolayiv V. O. Sukhomlynskyi National University, Ukraine*

E-mail: snfelix07@gmail.com

POLYSEMY OF THE NUMERAL "ONE" IN GERMAN, ENGLISH AND UKRAINIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. The article deals with the semantics of the number 'one' as the most frequent one in the lexical-semantic field of numbers on the material of German, English and Ukrainian idioms. Contextual meanings of the lexeme 'one' are determined and its individual semes are distinguished with the help of descriptive and comparative methods.

Keywords: lexical field of numbers, idiom, one, semantics.

Баркаръ Ульяна,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель,
факультет иностранной филологии, Николаевский национальный
университет имени В. А. Сухомлинского, Украина*

E-mail: uliana.palivoda@gmail.com

Чернега Светлана,

*кандидат филологических наук, доцент,
факультет иностранной филологии, Николаевский национальный
университет имени В. А. Сухомлинского, Украина*

E-mail: snfelix07@gmail.com

ПОЛИСЕМИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО "ОДИН" В НЕМЕЦКИХ, АНГЛИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Аннотация. В статье рассматривается семантика числительного "один" как наиболее частотного из лексико-семантического поля чисел во фразеологических единицах немецкого,

английского и украинского языков. С помощью описательного и сопоставительного методов определяются контекстуальные значения лексемы “один” и выделяются её отдельные семы.

Ключевые слова: лексическое поле чисел, фразеологическая единица, один, семантика.

Идея изучения семантики отдельных единиц лексического поля чисел на фразеологическом материале исходит из того, что значение числительных, давних по своему происхождению и традиционно однозначных, в определённом лексическом контексте проявляют семантические варианты. Как известно, именно контекст является необходимым условием для выявления отдельных значений слов с широкой полисемией. Согласно теории иерархических уровней Э. Бенвениста [3], языковые единицы планом выражения опираются на нижний уровень, а планом содержания восходят к уровню высшему. То есть, исследуя план содержания лексем, следует выходить на синтаксический уровень, в котором возникает необходимый контекст для выявления значений и их оттенков. Фразеологизмы, или фразеологические единицы (ФЕ), как единицы промежуточного уровня между лексическим и синтаксическим по своей структуре являются словосочетаниями или предложениями, но с устойчивой семантикой. Кроме того, фразеология – это источник культурно специфической информации, учитывая её языковое и национальное своеобразие, так как в каждом языке она имеет неповторимый план выражения и таким образом фиксирует через языковые средства особенности национального мышления.

Изучению семантики числительных в отдельных языках и в сопоставительном аспекте посвящаются современные научные исследования [4; 9]. Целью настоящего исследования является выявление полисемии лексемы “один” через определение контекстуального значения и выделение её отдельных сем на основе анализа фразеологических единиц немецкого, английского, украинского и частично русского языков. В работе используются сравнительный, описательный и количественный методы.

Анализ фразеологического материала даёт основания утверждать, что наиболее продуктивным числовым компонентом ФЕ украинского, немецкого и английского языков является числительное “один” / “первый” (почти половина рассмотренных нами ФЕ). Такая частотность определённым образом связана с особенностью этого числа, глубокой символикой. М. М. Маковский указывает на то, что единица была символом вертикально стоящего человека, а также символом творческого начала, силы, энергии, доблести, красоты, непревзойдённости, символом Вселенной, Бога, любви, справедливости. При этом сравниваются древние корни: др.-инд. *ek, ak* “один”, тох. *onk* “человек”, авест. *anghu* “Вселенная”. Ие. корень, обозначавший единицу, – **oi-(d)-nos* – соотносим с осет. *udd* “душа”, ие. **ond* “камень” (мировая гора), и.-ар. *adi* “начало”, а также: гот. *aha* “разум” (Мировой разум), др.-инд. *ahu* “жизненная сила” [7, 390]. Таким образом, число “1” – это, прежде всего, отображение человека как микрокосма, его места во Вселенной, его наивысших добродетелей как божественного творения.

Что касается современной семантики, то числительным не присуща многозначность, они имеют, казалось бы, единственное значение: название числа и его цифрового толкования, количество обозначаемых единиц. Однако явление полисемии наблюдается у некоторых наиболее частотных числительных (среди них рассматриваемое “один”), которые, как можно судить, находятся в центре данного поля. Только на их основе можно проследить всю семантическую классификацию лексических значений с синхронической точки зрения. В значении числительного “один” выделяются следующие семы:

1) отдельное существо или предмет из совокупности подобных;

2) тот, который живет, стоит одиноко, отдельно от других, одинокий;

3) никакой другой, кроме названного; только названный (употребляется для выделения из ряда других отдельной личности, предмета и т.д.); только то (это), единственное в своём роде;

4) тот самый; одинаковый, тождественный;

5) целостный, неделимый, единый;

6) отдельный среди названных, видимых людей, предметов и т.п.;

7) первый среди названных;

8) именно этот, такой, а не другой (при противопоставлении);

9) (как неопределённое местоимение) какой-то, напр. укр. *одного дня* (рус. *однажды*);

10) всё время, постоянно, непрерывно [5].

Во фразеологии немецкого, английского и украинского языков числительное "один" часто подчеркивает ценность индивидуальных качеств человека, к примеру, мудрость: нем. *Wo einer Weise ist, sind zwei glücklich* (букв. Где один человек мудрый, там двое счастливых); опыт: нем. *Für einen Gebildeten gibt man zwei Ungebildete* ≈ укр. *За одного битого двух небитих даютъ*; верность в дружбе: нем. *Ein guter Freund ist mehr wert als hundert Verwandte* ≈ рус. *Старый друг лучше новых двух* ≈ укр. *Для приятеля нового не пускайся старого*. Такие индивидуальные качества могут быть и отрицательными, но достаточно весомыми, напр.: нем. *Ein Narr kann mehr befehlen, als zehn Kluge ausrichten können* ≈ укр. *Один дурень зінсує, що й десять розумних не направлять*.

В немецкой фразеологии за "единицей" закреплена семантика повышенной ценности, преимущества определенного лица или явления. Её узус шире, чем в украинском языке, поэтому встречается много безэквивалентных ФЕ, напр.: нем. *Ein Jetzt ist besser als zwei Dann* (букв. Одно "сейчас" лучше, чем два "потом") ≈ нем. *Ein Heute ist besser als zehn Morgen* (букв. Одно "сегодня" лучше, чем десять "завтра") ≈ англ. *One today is worth two tomorrow* ≈ укр. *Не відкладай на завтра те, що*

можна зробити сьогодні; нем. *Ein Gewisses ist besser als zehn Ungewisse* (букв. Одно "верное" лучше, чем два "наверное") ≈ нем. *Besser ein Vogel in der Hand als zehn über Land* (букв. Лучше одна птица в руке, чем десять над полем) ≈ англ. *A bird in the hand is worth two in the bush / wood* (букв. Птица в руке стоит двух в лесу) ≈ рос. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* ≈ укр. *Краще нині горобець, як завтра голубець*.

Значительный пласт фразеологического материала указывает на то, что числительное "один" выражает целостность, неделимость: нем. *Mann und Weib sind ein Leib* ≈ рус. *Муж и жена – одна сатана* ≈ англ. *One bone one flash*.

Такая семантическая окраска числительного "один" практически совпадает в следующих ФЕ, которые, всё же, нельзя считать абсолютно синонимичными, так как в данном случае речь идёт об имплицитном противопоставлении его числительному "два":

- нем.: *Grobheit und Stolz wachsen auf einem Holz; Hoffen und wünschen geht viel in einen Sack; j-d hat Lachen und Weinen in einem Sack;*
- англ.: *All on one stick; In one piece; Honour and profit lie not in one sack;*
- укр.: *З одного копита; З одного міста; Одна снасть*.

В то же время в рассматриваемых языках числительное "один" ярко выражает недостаточность явления или действия: нем. *Ein Mädchen macht keinen Tanz, eine Blume keinen Kranz* ≈ укр. *З одного квіту вінка не зів'єш*; нем. *Eine Schwalbe macht (noch) keinen Sommer*, или: *Eine Krähe macht keinen Winter* ≈ укр. *Одна ластівка не робить весни*; англ. *One man no man* ≈ нем. *Ein Mann, kein Mann; Einer ist keiner* ≈ укр. *Один у полі не воїн; Один що нічого; Один не рахується*.

"Один" обозначает незначительную часть от целого, отдельного члена определенной общности, который, однако, может негативно влиять на это целое. При этом вновь наблюдаем сему

винятковість і вагомість числительного “один”, его особенный статус среди других единиц лексико-семантического поля чисел: нем. *Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an* ≈ рус. *Одна паршивая овца всё стадо портит*; нем. *Ein fauler Apfel steckt zehn (hundert) an* ≈ укр. *Від одного гнилого яблука весь віз згниє*; англ. *One drop of poison infects the whole tun of wine* (букв. Одна капля яда заражает всю бочку вина); англ. *One false move may lose the game* (букв. Один неверный ход может испортить всю игру).

Ещё одной функциональной особенностью числительного “один” является обозначение им в рассматриваемых языках какого-то важного, безвозвратного и неповторимого события:

- нем. *Ehe man einmal abschneidet, muss man zweimal messen* ≈ рус. *Семь раз отмерь, один раз отрежь* ≈ укр. *Тричі відміряй, а раз одріж / Десять разів мір, а раз утни* ≈ англ. *Score twice before you cut once / Measure thrice and cut once*;
- нем. *Einen Tod kann der Mensch nur sterben* ≈ англ. *A man can die but once* ≈ укр. *Раз мати породила, раз і гинути*, или ещё: *Раз козі смерть* ≈ рус. *Двум смертям не бывает / Два раза не умирать*.

В немецком языке проявляется также значение числительного “один” как действия случайного, не имеющего систематического характера и потому не может восприниматься как что-то очень важное или значительное: *Einmal fallen ist nicht immer ein Beinbruch* (букв. Один раз упасть – не всегда перелом); *Wer einmal trifft ist noch kein Schütze* (букв. Кто один раз попал, ещё не стрелок); *Einmal ist nich immer* (букв. Один раз – это не всегда) ≈ англ. *Once is no rule*.

“Один” часто связано семантически с полноценным, эффективным действием или явлением, что демонстрирует преимущество качества перед количеством: нем. *Besser einer, der's gesehen, als zwei, die's gehört* ≈ укр. *Краще один раз побачити, ніж десять разів почути*; нем. *Besser einmal fragen als zweimal irrefgehen* (букв. Лучше один раз спросить,

чем дважды заблудиться); нем. *Besser einmal kaufen als zehnmal borgen* (букв. Лучше один раз купить, чем десять раз одолжить).

По-разному рассматривается представителями данных народов вопрос места человека в обществе. В немецкой фразеологии больше внимания уделяется высокому предназначению личности, выделению ее из толпы благодаря индивидуальным особенностям, исключительности; при этом мы наблюдаем, что эталоном элиты для немецкого общества выступали кайзер или король, а также высшее духовенство: нем. *Es spiele viele, aber nur einer kann gewinnen; Viele Schützen, aber nur einer wird König; Nur einer kann Keiser sein; Einer nur kann predigen, aber viele können singen; Es kann nur einer Papst sein*. В украинской фразеологии такое явление не наблюдается, здесь преимущественно затрагивается проблема одиночества простого человека, напр.: укр. *Один як палець; Один мов з хмари впав; Одна як одно ім'я; Один як бовдур; Одним один; Один як билінка в полі; Одна головешка і в печі гасне, а дві і в полі горять*.

При сопоставительном анализе наблюдаются также расхождения касательно социального устройства западноевропейских и славянских народов, которые эксплицируются во ФЕ с компонентом “один”, где тот выражает сходство или полную идентичность. Если украинские / русские фразеологизмы утверждают, что людей можно “постричь под одну гребёнку, под один ранжир подвести”, то в немецкой и английской фразеологии прослеживается более демократизированный подход, провозглашающий разнообразие: нем. *Eines schickt sich nicht für alle; Man kann nicht alle Köpfe unter einen Hut bringen; Einerlei Kinder, mancherlei Sinn*, а также англ. *All bread is not baked in one oven*.

Таким образом, употребление числительного “один” во фразеологии связана с многозначностью. “Один”, как правило, обозначает человека с его чрезвычайными качествами, положительными или отрицательными. Ряд немецких и английских ФЕ с компонентом “один” акцентирует

исключительное положение отдельного человека в системе социального строя. Некоторые украинские выражения раскрывают сему обособленности личности и одиночества.

Список литературы:

1. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik – Berlin: Duden Verlag; Bibliographisches Institut, 2013.– 928 s.
2. Skandera P. Phraseology and Culture in English.– De Gruyter Mouton, 2007.– 511 p.
3. Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології.– Х.: Вища школа, 1987.– 135 с.
4. Баясгалан Ш. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ш. Баясгалан.– СПб, 2006.– 22 с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел.– К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001.– 1440 с.
6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. В. Литвинова.– М.: Русский язык, 2005.– 944 с.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов.– М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.– 416 с.
8. Німецькі прислів'я та приказки / Упоряд. О. А. Вентлянд.– Дніпропетровськ: Січ, 2000.– 187 с.
9. Осипова А. А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира: опыт сопоставительного исследования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. А. Осипова.– Москва, 2008.– 22 с.
10. Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок.– М.: Изд. «Русск.язык», 2002.– 215 с.

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-3-8-15>

*Zorichich Nika,
Post-graduate student of the Humanities (linguistics-Slavistics),
University of Zadar (Croatia),
Didactic Assistant (Russian Language), University of Bergamo (Italy)
E-mail: nika.zoricic@gmail.com*

ENGLISH LOANWORDS IN RUSSIAN AND CROATIAN MASS MEDIA TEXTS (ON THE EXAMPLE OF THE “BEAUTY INDUSTRY” LEXICON)

Abstract. As a result of the current trend towards internationalization of Russian and Croatian, the “Beauty industry” lexicon is constantly enriched by English loanwords. These Anglicisms are characterized by a high frequency of use in mass media texts and are actively included in the word-formation system of both Slavic languages as a basis for creating new derivatives.

Keywords: Russian language, Croatian language, Anglicisms, English borrowings, mass-media texts, word-formation, derivational processes, beauty industry.

*Зоричич Ника,
Аспирант докторантуры гуманитарных наук (лингвистика – славистика)
Задарского университета (Хорватия),
Дидактический ассистент (русский язык), Университет Бергамо (Италия)
E-mail: nika.zoricic@gmail.com*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И ХОРВАТСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ИНДУСТРИЯ КРАСОТЫ»)

Аннотация. В связи с актуальной тенденцией к интернационализации лексики русского и хорватского языков тематическая группа «Индустрия красоты» постоянно пополняется заимствованными из английского языка словами, отличающимися высокой частотностью употребления в российских и хорватских СМИ. Данные англицизмы активно включаются в словообразовательную систему обоих исследуемых славянских языков в качестве базы для создания производных слов.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, СМИ, англицизмы, заимствования из английского языка, словообразование, деривационные процессы, индустрия красоты.

Конец XX – начало XXI века характеризуется радикальными изменениями в глобальной социально-экономической, политической, культурной и языковой ситуации. Они обусловлены актуаль-

ными тенденциями глобализации и виртуализации общественной жизни, интернационализации информационной и коммуникационной сфер, либерализации социальных отношений в ряде стран,

в том числе в России и в Хорватии. Закрепление за английским языком статуса глобального языка межкультурного общения «является одной из характеристик «глобанглизации», связанной с интенсивным вовлечением индивидов в сферы деятельности, культурные и досуговые практики, находящиеся под влиянием глобализационных процессов в экономике, технико-технологических отраслях, культуре» [3, 33]. В связи с этим актуальный процесс интернационализации русского и хорватского языков вполне обоснованно считается беспрецедентным, что подтверждает и чрезвычайное увеличение числа англицизмов-интернационализмов, непрерывно проникающих в языковую систему этих языков [3, 33–34; 8, 74–75; 9, 57; 10, 67].

По мнению Е.В. Мариновой [6, 88–89], заимствование является универсальным языковым процессом не только потому, что ему подвергаются все языки мира, но и потому, что он в разной степени касается единиц разных языковых уровней (фонетического, лексического, морфологического, синтаксического). Надо заметить, однако, что процессу заимствования подчиняется прежде всего лексический уровень, поскольку «лексика любого языка представляет собой наиболее открытую, динамичную, постоянно меняющуюся [...] систему» [6, 90]. Исследователи называют целый ряд причин заимствования слов, среди которых выделяются как экстралингвистические, так и внутриязыковые. Экстралингвистическими причинами считаются, прежде всего, языковые контакты народов и стран, международное общение по мере развития торговли, промышленности, техники, науки и образования, средств массовой коммуникации, культуры. К внеязыковым причинам относятся также социально-психологические причины: во-первых, восприятие иноязычного слова как более престижного по сравнению с исконным; во-вторых, коммуникативная актуальность обозначаемого иноязычным словом понятия. Кроме перечисленных факторов, ученые называют и следующие внутриязыковые причины активно-

го иноязычного заимствования: 1) потребность в наименовании новых понятий, явлений, предметов из-за отсутствия соответствующего наименования в языке-рецепторе; 2) необходимость в специализации, уточнении, дифференциации понятий в определенной сфере и для определенных целей; 3) тенденция к интернационализации лексики; 4) тенденция к унификации, системности языковых средств; 5) тенденция к экономии языковых средств (в большинстве случаев новообразования отличаются от соотносительных им единиц краткостью); 6) необходимость в новых стилистических средствах; 7) тенденция к обогащению представления носителей языка об окружающей действительности [1, 110–112; 6, 91].

Процесс заимствования англоязычной лексики охватывает все сферы жизни, в том числе экономическую, финансовую, политическую, техническую, бытовую, сферу предпринимательской деятельности, сферу спорта и др. [1, 110]. Среди всех перечисленных сфер феномен «глобанглизации» особенно интенсивно влияет на так называемую «Индустрию красоты». На сегодняшний день «Индустрия красоты» является достаточно обширным понятием, включающим в себя, с одной стороны, промышленность, производящую косметические средства, а с другой – широкий спектр услуг и технологий, относящийся преимущественно к сфере красоты, здоровья и имиджа (в том числе косметологию, салонный бизнес, СПА, пластическую хирургию и т.п.).

Основываясь на всем вышесказанном, в настоящей статье рассматривается именно влияние феномена «глобанглизации» на лексику, относящуюся к тематической группе «Индустрия красоты» в русском и в хорватском языках. Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки из электронных средств массовой информации на русском и хорватском языках в период с 2015 по 2020 год. При выборе источников языкового материала особое внимание уделялось критериям доступности, популярности и обращенности

к массовой публике. Собранный и проанализированный нами языковой материал состоит из 323 лексических единиц, из которых 168 примеров заимствований выявлено в российских СМИ, а 155 – в хорватских СМИ. По нашим наблюдениям, в последние годы в обоих исследуемых славянских языках количество заимствованных слов английского происхождения, входящих в лексику, принадлежащую к этой тематической группе, резко возросло. С целью пополнения лакун в лексической системе из лексики английского языка, принадлежащей к этой группе, в русский и хорватский заимствуются, прежде всего, специальные слова, обозначающие новые понятия, явления и предметы. Среди наиболее употребительных заимствованных терминов можно назвать следующие интернационализмы-англицизмы: *пилинг* / *piling* (англ. *peeling* ‘косметическая процедура, заключающаяся в глубокой очистке кожных покровов и в смягчении ороговевших участков кожи с помощью специальных кремов’); *филлер* / *filler* (англ. *filler* ‘инъекционные препараты в косметологии, позволяющие выполнять контурную пластику без хирургического вмешательства’); *(фейс)лифтинг* / *(face) lifting* (англ. *(face) lifting* ‘подтяжка кожи лица чаще нехирургическими методами’); *ботокс* / *botox* (англ. *botox* ‘препарат ботулинического токсина, инъекции которого применяются в косметологии для разглаживания морщин’); *микроблейдинг* / *microblading* (англ. *microblading* ‘техника перманентного макияжа бровей, подразумевающая выполнение на коже вручную небольших надрезов, в которые вводится краситель’); *анти-эйдж* / *anti-age* (англ. *anti age* ‘борьба с возрастом’); *хайлайтер* / *highlighter* (англ. *highlighter* ‘средство декоративной косметики, предназначенное для высветления и выделения отдельных участков, сокрытия мелких морщинок, получения сияющего, свежего вида’); *праймер* / *primer* (англ. *primer* ‘жидкий крем которым заполняют поры и морщины создавая идеально ровную базу под мэйкап’); *консилер* / *concealer* (англ. *concealer* ‘косметическое средство

для маскировки проблемных участков кожи лица’); *бустер* / *booster* (англ. *booster* ‘косметический продукт, который увеличивает эффект от основного ухода и помогает активным компонентам других косметических средств работать быстрее’); *(ай) лайнер* / *eyeliner* (англ. *eyeliner* ‘тушь для подводки глаз’); *(лип) плампер* / *lip plumper* (англ. *lip plumper* ‘продукт, создающий кратковременный эффект визуального увеличения объема губ’); *контуринг* / *contouring* (англ. *contouring* ‘вид макияжа, который способен зрительно скорректировать черты лица, сделав его более скульптурным и выразительным’); *смоки айс* / *smok(e)y eyes* (англ. *smok(e)y eyes* ‘эффект в макияже, в котором за счет хорошей растушевки теней достигается томный и соблазнительный взгляд’); *нейл-арт* / *nail art* (англ. *nail art* ‘украшение, расписывание ногтей’). Термины, относящиеся к тематической группе «Индустрия красоты», часто встречаются в сетевой публицистике на русском и хорватском языках. В настоящее время российские и хорватские СМИ являются главным проводником интернационализмов-англицизмов [3, 34; 9, 64]. Как известно, при адаптации заимствованной из английского языка лексики на графическом уровне в русском языке, как правило, происходит графическая русификация слова, в то время как в хорватском языке сохраняется иноязычное написание. Кроме того, большинство выделенных нами англицизмов регулярно подчиняется нормам морфологической системы заимствующих языков, приобретая грамматические категории, свойственные русским и хорватским словам. Так, в обоих языках все заимствованные существительные распределяются по родам и включаются в систему склонений. Следует отметить, что в хорватском языке, в отличие от русского, по падежам изменяется подавляющее большинство заимствованных существительных. Например: рус. *Средство 2 в 1! Универсальный водостойкий продукт, состоящий из плотного консилера с эффектом пудры и кремового хайлайтера для мягкого сияния вашей кожи* (Glamour.ru, 25.10.19); *Ровный тон*

кожи – залог красивого макияжа. <... > А значит, без **праймера** не обойтись (Cosmo.ru, 01.06.20); Помимо цветных **лайнеров**, для красивого макияжа тебе пригодится белый карандаш (Cosmo.ru, 12.01.19); хорв. Je li vrijeme **contouringa** prošlo? (Elle.hr, 23.05.16); Nakon upotrebe osjećat ćete se kao da ste bili na **face liftingu**, ali bez kirušskog zahvata (Gloriaglam.hr, 27.04.20); Možete dobiti kvalitetan savjet u vezi pravilnog vježbanja, dobrih životnih navika, nutricionističkih potreba te zdravlja, ljepote i **anti-agea** (Jutarnji.hr, 29.05.18); Ako ste jedna od onih koja se najviše veseli blagdanima i blještavilu koje je nerazdvojno vezano uz sezonu partyja, onda će vam se jaaako svidjeti ovi kreativni **nail artovi** (Cosmopolitan.hr, 03.12.18).

Займствования английского происхождения, принадлежащие к тематической группе «Индустрия красоты», включаются непосредственно не только в морфологическую систему, но и в словообразовательную систему этих двух принимающих славянских языков, становясь базой для производства новых слов и тем самым подтверждая их степень освоения. Как отмечает М. В. Радченко, «[у]скоренный характер словообразовательной адаптации заимствованных слов приводит к тому, что иноязычный неологизм активно включается в процессы деривации и становится производимым словом для новых лексических единиц. В русском и в хорватском языках на базе новых заимствованных слов образуются многочисленные производные» [9, 57]. В качестве примера можно привести следующие дериваты: рус. ботокс + -н(ый) > ботоксный: «**Ботоксный** лоб и увеличенные губы - не мое»: Вера Брежнева высказалась об одинаковых лицах девушек (Комpravda.еc, 07.03.19); шиммер (англ. shimmer 'средство, которое придает макияжу особый блеск') + -н(ый) > шиммерный: Не знаем, как ты, но мы по вечерам заходим на ее сайт и просто смотрим на красивые палитры. В каждой из них по 10 оттенков с матовым, сатиновым и **шиммерным** финишами (Cosmo.ru, 23.02.20); блюр (англ. blur 'делать неясным, затуманивать, затемнять') + -и(ть)

> блюрить: Чтобы не подчеркнуть текстуру кожи, используй для растушёвки спонж – он словно **блю-рум** всё на своем пути (Cosmo.ru, 15.01.19); хорв. botoks + -ira(ti) > botoksirati: Bond **se botoksirao**? Zgodni glumac se zamrznuo! (Dnevnik.hr, 20.02.18); shimmer + -ast(i) > shimmerasti: Pretvorite svoj fiksator u **shimmerasti** sprej (Fashion.hr, 24.12.17); blend (англ. blend 'смешивать, сочетать') + -a(ti) > > blendati; blendati + -nj(e) > blendanje: Nakon što ustvrdite koji je vaš oblik, bit će vam lakše odrediti tehniku nanošenja i **blendanja** sjenila specifičnu za taj oblik oka. <... > Za različite lookove najčešća i najbolja opcija su ona standardna, prešana te s njima nećete imati većih problema jer se daju lako **blendati** i nanositi (Gloria.hr, 27.04.19). Ср. также: нюд (англ. nude 'цвет декоративного косметического средства, близкий к естественному цвету кожи') + -ов(ый) > нюдовый: В новом сезоне визажисты призывают нас не бояться экспериментировать и, помимо классических черных смоки, пробовать **нюдовые** и даже красные тона! (Cosmo.ru, 31.10.18). Интересно отметить, что в проанализированных нами примерах на хорватском языке английское прилагательное *nude* появляется в исходной форме (*nude*) и весьма активно употребляется в качестве несклоняемого прилагательного. В примерах на русском языке, однако, англицизм *нюд* употребляется исключительно в качестве регулярно склоняемого существительного, что свидетельствует о так называемой «контактной транскатегоризации» [12, 253], т.е. о межъязыковой конверсии частей речи при заимствовании, о переходе одной части речи в другую (в данном случае наблюдается конверсия прилагательного в существительное). Ср.: рус. К счастью, в 2017 году дизайнеры будут благосклонны и не станут ограничивать нас в выборе стильного макияжа. В тренде будет практически все – от нежного **нюда** до графичных стрелок и ярких помад (Cosmo.ru, 13.12.16); хорв. Voja šljive i **nude** tonovi nijanse su koje će na svakom spoju biti pun pogodak budući da se te nijanse smatraju najprivlačnijima i najpouzdanijima (Cosmopolitan.hr, 27.04.17).

В исследуемом нами материале весьма часто встречаются новые композиты с первой частью *бьюти-* / *beauty-*. Как отмечает М. В. Радченко, в конце XX - начале XXI в. для обоих языков характерен «компаративный взрыв» [8, 76]. Высокая продуктивность композитов, образованных без соединительной гласной на основе лексических единиц, относящихся к англоязычным прототипам, объясняется тем, что в эпоху «глобализации» в словообразовании русского и хорватского языков под влиянием СМИ распространились англо-американские деривационные модели композитов, и тем самым усилились черты аналитизма и агглютинативности [2, 129–131; 4, 66, 69; 8, 76; 11, 17]. По мнению М. Д. Котовой, в случае подобных композитов первый компонент, функционирующий в языке-реципиенте в качестве самостоятельной полнозначной лексической единицы, становясь частью серийных биноминативных образований, частично утрачивает свою полнозначность и подвергается качественному грамматическому изменению, приобретая атрибутивный характер и напоминая неизменяемые аналитические прилагательные [4, 68]. В результате, несмотря на дефисное написание этих образований, они часто рассматриваются как словосочетания, о чем, по мнению исследователей, свидетельствует и непоследовательность в их написании (раздельное или с дефисом) [4, 69; 5, 629]. В русском языке компонент *бьюти-* может сочетаться не только с заимствованными словами (*бьюти-тренд*, *бьюти-коуч*, *бьюти-мастхэв*, *бьюти-гаджет*, *бьюти-кампейн*, *бьюти-лайфхак*, *бьюти-хит* и др.), но и с исконно русскими, в том числе, как с нейтральными лексемами (*бьюти-привычка*, *бьюти-услуга*, *бьюти-выставка*, *бьюти-средство*, *бьюти-правило* и др.), так и с разговорными словами (*бьюти-шпаргалка*, *бьюти-замашки*). Ср.: **Полный бьюти-гид**: как подобрать форму бровей и прическу по типу лица. **Бьюти-лайфхак**: подбирайте прически, которые максимально скрывают подбородок и вытягивают скулы (Cosmo.ru, 02.06.20); Успей за 20 секунд: 8

быстрых бьюти-привычек, чтобы просыпаться красивой. <... > Специально для тех, кому сложно выбираться из-под одеяла, мы собрали бьюти-ритуалы, которые займут меньше минуты (Cosmo.ru, 01.01.20); **Бьюти-шпаргалка**: все, что нужно знать об уколах красоты. Разбираемся в бьюти-терминах (Glamour.ru, 08.01.17); *На первое свидание стоит краситься так, как хочется и как любишь, – тренды тут не важны. Но если на встрече с классным парнем хочется продемонстрировать и серьезность намерений, и свои бьюти-замашки, то монохромный винный макияж вполне может справиться* (Glamour.ru, 07.06.19). Ср. также: *бьюти + -голик > бьютиголик*: В запасах каждого бьюти-голика найдутся альгинатные маски, требующие больше обычных десяти минут – теперь пришло их время (Glamour.ru, 19.03.20). Как отмечает Е. И. Коряковцева [см. 2, 132; 3, 35–36], в современном русском языке наблюдается выраженная тенденция к агглютинации, которую подтверждает и функционирование особого аффиксоида-агглютинатора *-голик*, являющегося результатом глобальной лингвокультурной интерференции (англ. *-holic*) и выделяющегося чрезвычайной активностью в языке интернет-коммуникации. Создание дериватов с помощью данного аффиксоида «связано с экспрессивной (или агрессивной) функцией коммуникации, с реализацией возможности дать двусмысленную, шуточно-ироническую или негативную оценку лицу, испытывающему сильную зависимость от кого- или чего-либо» [2, 132].

В хорватском языке случаи образования сложных слов с компонентом *beauty-* в качестве первой части сложения единичны: *beauty-kolekcija*, *beauty-proizvod*, *beauty-polica*, *beauty-industrija*, *beauty-dossier*, *beauty-misterija*: **Ovo su beauty-proizvodi slavnih ličnosti vrijedni vaše pažnje, i vaše love.** <... > **Obavezno ga ovog ljeta nosimo na more, kada nam najviše treba hidratacija koja ne ostavlja kožu masnom, a osim toga, sjajno izgleda na našoj beauty-polici.** <... > **Jedini komad iz njezine beauty-kolekcije koji stvarno lajkamo je njezina Classic**

paleta sjenila (Cosmopolitan.hr, 02.06.20). Для хорватского языка характерно также частотное употребление в текстах СМИ двухкомпонентных и трехкомпонентных словосочетаний, в состав которых входит лексема *beauty* (*beauty trend*, *beauty hit*, *beauty gadget*, *beauty svijet*, *beauty ikona*, *beauty pravilo*, *beauty muka*, *beauty potez*, *beauty logika*, *fashion beauty blogerica* и др.): ELLES *beauty minuta* Dora Predojević. *Popularna influencerica otkrila nam je sve svoje beauty tajne!* <... > *Volimo i njen beauty look: zaštitni znak joj je srednje duga bob frizura te prirodan i svjež izgled. Htjeli smo saznati više o njenim beauty ritualima, pa smo pozvali ovu influencericu (inače diplomiranu profesoricu turkologije i ukrajinistike) u našu beauty rubriku. Saznali smo sve o njenoj svakodnevnoj beauty rutini, omiljenim uljima koje koristi u njezi kose, beauty filozofiji koju i mi pozdravljamo te brojne druge super zanimljive stvari vezane uz teme ljepote i wellnessa. Svakako scrollajte do kraja!* (Elle.hr, 02.06.20); *Biste li na svojem tijelu napravili neki beauty kirurški zahvat?* (Jutarnji.hr, 30.06.20). М. Хорват и Б. Штебих Голуб называют эти многокомпонентные словосочетания с лексемой *beauty* «юкстапозициями» и включают их в состав юкстапозиций, обозначающих цель и назначение, подчеркивая нетипичность их структуры для хорватского языка и приводя их экономичность, практичность и большее маркетинговое воздействие на аудиторию как главные причины их частотного образования. «Юкстапозиции» являются многокомпонентными – чаще всего двухкомпонентными – словосочетаниями, в состав которых входят имена существительные, появляющиеся всегда в неизменяемом виде. Первый элемент определяет второй и никогда не склоняется, в то время как второй элемент регулярно склоняется по правилам падежной системы хорватского языка. Кроме цели и назначения, юкстапозиции могут обозначать также типичность, посессивность, определенное место, средство, содержание, материал, свойство, целевую аудиторию, принадлежность к определенной группе.

Однако, как отмечают М. Хорват и Б. Штебих Голуб, в некоторых случаях однозначное определение обозначения является достаточно сложным [см. 11, 9–14].

Из анализа нашего языкового материала вытекает, что в русском языке заимствование *бьюти*, кроме в сложных новообразованиях, употребляется также в качестве несклоняемого существительного среднего рода: *Русское бьюти: феномен новой российской косметики* (Cosmo.ru, 25.09.18). В хорватском языке примеров употребления слова *beauty* в роли существительного не найдено

Собранный нами языковой материал свидетельствует о том, что в русском языке встречаются также композиты с первой частью *мейкап-*, *анти-эйдж-*, *блур-* и *skincare-* (англ. *skincare* ‘уход за кожей’), хотя они менее частотны, чем новообразования с компонентом *бьюти-* (*мейкап-артист*, *мейкап-художник*, *анти-эйдж-уход*, *анти-эйдж-продукт*, *анти-эйдж-воздействие*, *блур-средство*, *блур-крема*, *skincare-тренд*, *skincare-эксперт*, *skincare-продукт* и др.). В хорватском языке встречаются словосочетания с лексемами *make-up*, *anti-age*, *blur* и *skincare* (*make-up look*, *make-up rutina*, *make-up video tutorijal*, *anti-age tretman*, *anti-age napitak*, *blur učinak*, *blur krema*, *skincare rutina*, *skincare linija* и др.). Что касается англицизма *анти-эйдж*, образование многокомпонентных словосочетаний с этим словом характерно также для русского языка (*анти-эйдж средство*, *анти-эйдж эффект*, *анти-эйдж функция*, *анти-эйдж потенциал* и др.). Например: рус. *Dress code в макияже: 4 мейкап-инструкции на все случаи жизни* (Cosmo.ru, 31.05.20); *Особенности анти-эйдж-диеты: как питаться, чтобы продлить свою молодость* (Cosmo.ru, 11.11.19); *Новый Кокосовый праймер для лица с блур-эффектом Under(Cover) работает как фильтр в фотошопе: легкая текстура уменьшит лишний блеск, выровняет рельеф кожи, скроет поры, разгладит мелкие морщинки* (Elle.ru, 30.08.19); *Этот СС-крем безумно популярен у skincare-блогеров: у него среднее покрытие, SPF 50+ и хороший ухаживающий состав* (Cosmo.ru,

25.03.20); *Молода и прекрасна: анти-эйдж новинки* для лица (Elle.ru, 10.01.17). Хорв. *Danas imamo jednu novu make-up lekciju iz škole Kardashian-Jenner. Nadamo se da ste spremni za još jednu make-up mudroliju, bez ikakve ironije* (Cosmopolitan.hr, 03.06.20); *Ultrasonic Facial je uređaj 2u1 za dubinsko čišćenje i njegu kože s anti age efektom* (Gloriaglam.hr, 27.04.20); *Serumi sa "blur" efektom zapravo sadrže optičke varke, čestice koje matiraju kožu i reflektiraju svjetlost na način da optički kamufliraju pore tako da izgledaju manje i glađe* (Cosmopolitan.hr, 29.08.17); *Na kraju, istaknula je da su ova tri proizvoda namijenjena svim tipovima kože i da se nikada neće runiti ispod make-upa, što se događa s mnogim skincare proizvodima drugih brendova* (Gloria.hr, 27.06.19).

Следует также отметить, что в примерах на хорватском языке англицизм *skincare* употребляется не только в многокомпонентных словосочетаниях, но и в качестве регулярно склоняемого существительного. Например: *Nisam neki beauty junkie, više sam fashion, tako da jako volim pratiti Koranu jer joj vjerujem, imamo neke slične favorite što se skincarea tiče i bezrezervno slušam njene savjete* (Elle.hr, 02.06.20). В русском языке слово *skincare* встречается только в составе сложных новооб-

разований и всегда появляется в нетранслитерированном виде. Примеров его употребления в качестве самостоятельного существительного в исследованном нами материале не найдено.

Анализ собранного нами языкового материала показывает, что активное пополнение тематической группы «Индустрия красоты» заимствованными из английского языка словами является проявлением характерной для русского и хорватского языков тенденции к интернационализации лексики. Иноязычные заимствования английского происхождения, касающиеся косметических продуктов, средств, техник, услуг и технологий, отличаются высокой частотностью употребления в российских и хорватских СМИ. Кроме того, данные англицизмы, обладающие высоким деривационным потенциалом в обоих исследуемых языках, активно включаются в словообразовательные процессы в качестве базы для создания производных слов. В российских СМИ многочисленны сложные новообразования с заимствованными из английского языка лексемами, в то время как в текстах на хорватском языке англицизмы чаще встречаются в составе словосочетаний в качестве определительного компонента.

Список литературы:

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – Москва: Логос, 2003.
2. Коряковцева Е. И. О тенденции к агглютинации в словообразовании современных русского, польского и чешского языков (на материале форумов интернет-СМИ). Rudnik-Korwatowa Z. (red.). Prace Slawistyczne 142: Dynamika współczesnego słownictwa słowiańskiego w przestrzeni stylowo-funkcjonalnej. Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2017. – С. 127–142.
3. Коряковцева, Е.И. «Глобанглизация» и словообразовательные неологизмы – русские, польские и чешские субстантивы-экспрессивизмы. Koriakowcewa E. (red.), Globalizacja a języki słowiańskie/Globalization and Slavic languages. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, Siedlce, 2018. – С. 32–45.
4. Котова М. Д. Переходные явления в области словообразования (на материале сложных и составных слов). Штайн, К.Э. (отв. ред.), Языковая деятельность: переходность и синкретизм. – Москва-Ставрополь, Изд.во СГУ, 2001. – С. 66–69.
5. Маринова Е. В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Лингвистика, – № 4 (2), 2010. – С. 628–630.

6. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие.– Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2013.
7. Маринова Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография.– Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014.– С. 65–149.
8. Радченко М. В. Активные процессы в словообразовании современного русского и хорватского языков. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*,– № 11–12, 2014.– С. 74–79.
9. Радченко М. В. Иноязычные элементы в словообразовании современного русского и хорватского языков. Koriakowcewa E. (red.), *Globalizacja a języki słowiańskie/Globalization and Slavic languages*. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, Siedlce, 2018.– С. 57–65.
10. Рацибурская Л. В. Интернациональные элементы в российском медийном словообразовании в эпоху глобализации. Koriakowcewa E. (red.), *Globalizacja a języki słowiańskie/Globalization and Slavic languages*. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, Siedlce, 2018.– С. 67–76.
11. Horvat M., Štebih Golub B. Posljedice internacionalizacije u hrvatskome jeziku. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 36/11, 2010.– С. 1–21.
12. Štebih B. Morfološka adaptacija posuđenica. *Suvremena lingvistika*, 66,– No. 2. 2008.– С. 243–259.

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-3-16-25>

*Prokudina Galina Sergeevna,
Faculty of Arts, Masaryk University,
Czech Republic
E-mail: lokochemp@bk.ru*

NATIONAL SPECIFICS OF THE ‘CRIME’ CONCEPT IN RUSSIAN AND CZECH COGNITIVE SYSTEMS (EXPERIMENTAL STUDIES). PART I

Abstract. This article deals with the concept of ‘crime’ on the basis of an association experiment. The experiment has been carried out among 70 both Russian and Czech respondents aged from 18 to 35. Based on the obtained material, the author has highlighted cognitive attributes (such as Legal definitions of a crime, Punishment, Literature based associations, Negative emotions, feelings and states caused by a crime) and cognitive layers (for example, Evaluation definitions of a crime, Participants of a crime, Reasons for committing a crime). According to the data on cognitive layers and based on the frequency of associations obtained, we distinguish the core, near, far and extreme periphery. Then we carry out a detailed analysis of the results and suggest possible reasons for such results. The core and near periphery are of particular importance. Personal associations may also be of interest. Through their further analysis, the author has discovered differences in the concept of ‘crime’ in the Russian and Czech cognitive view of the world.

Keywords: national specifics, concept of ‘crime’, cognitive view of the world, association experiment, comparative analysis.

Our research is dedicated to revealing national specifics of the ‘Crime’ concept in the Russian and Czech cognitive systems. To determine the peculiarities of the concept cognitive content, we have carried out a chain association experiment using the ‘crime’ stimulus word, in which 70 Czechs and 70 Russians took part, both males and females, with different education level and of different occupations, aged from 18 to 35 (inclusively). The reactions of the Czechs were not translated into Russian, so as to determine more precisely the national specifics of the concept, including lexical and grammatical peculiarities. As a methodological guide, we used the work by Popova Z. D., Sternin I. A. ‘Essays on Cognitive Linguistics’, in particular, the chapters dedicated to description and studying of association experiments [7, 115–134; 6, 37–50].

The respondents were asked to write down the first five associations, which came to their mind as a reaction to the word ‘**crime**’; they were also asked to specify their age, sex and professional occupation. The questionnaire of the association experiment is attached here to as an annex [8, 89–100].

Structure of the ‘Crime’ Concept in the Contemporary Russian Linguistic View of the World

Having analyzed the respondents’ reactions, we have determined 28 cognitive attributes of the ‘crime’ concept in the contemporary Russian linguistic view of the world:

1. Legal definition of a crime – type;
2. Legal definition of a crime – nature;
3. Punishment;
4. Consequences of a crime;
5. Pecuniary punishment;

6. Accompanying (parts) of a crime;
7. Instrument of a crime;
8. A way to avoid a crime;
9. Literature based associations;
10. Scene of a crime;
11. Time of a crime;
12. Preparing to commit a crime;
13. Atmosphere in which a crime is committed;
14. Negative emotions, feelings, states and abilities accompanying a crime;
15. Abilities accompanying a crime;
16. Evaluation definition of a crime – type;
17. Evaluation definition of a crime – nature;
18. Legal documents;
19. A set of the behavioral standards prohibiting crime;
20. Law enforcement bodies and persons investigating a crime;
21. Actions taken to catch the perpetrators;
22. Data on a crime;
23. Places related to deprivation of liberty;
24. Things related to deprivation of liberty;
25. Perpetrator;
26. Target of a crime;
27. The one who was punished for committing a crime;
28. Reasons for committing a crime.

When united, the cognitive attributes form cognitive layers. The 'crime' concept has a complex structure: here, 9 cognitive layers can be distinguished:

1. Legal definition of a crime;
2. Consequences of a crime;
3. Atmosphere (setting) in which a crime is committed;
4. Negative emotions, feelings and states caused by a crime;
5. Evaluation definition of a crime;
6. Impact on an offender;
7. Items related to deprivation of liberty;
8. Participants of a crime;
9. Reasons for committing a crime.

Specifics of the 'Crime' Concept in the Contemporary Czech Linguistic View of the World

Having analyzed the respondents' reactions, we have determined 30 cognitive attributes of the 'crime' concept in the contemporary Czech linguistic view of the world:

1. Legal definition of a crime – type;
2. Legal definition of a crime – nature;
3. Accompanying (parts) of a crime;
4. Instrument of a crime;
5. Scene of a crime;
6. Preparing to commit a crime;
7. Crime situation;
8. Atmosphere accompanying a crime;
9. Crime movies;
10. A way to avoid a crime;
11. Things associated with a crime;
12. Punishment;
13. Consequences of a crime;
14. Pecuniary punishment;
15. Places related to deprivation of liberty;
16. Things related to deprivation of liberty;
17. Perpetrators;
18. Targets of a crime;
19. Those who were punished for committing a crime;
20. Appearance of a penetrator;
21. Evaluation definition of a crime – type;
22. Evaluation definition of a crime – nature;
23. Negative emotions, feelings and states accompanying a crime;
24. Characteristics accompanying a crime;
25. Law enforcement bodies and persons investigating a crime, as well as instruments they use;
26. Actions taken to catch the perpetrators;
27. A set of the behavioral standards prohibiting crime;
28. Legal documents;
29. Religious documents;
30. Reasons for committing a crime.

In the Czech linguistic view of the world, as in the Russian one, we have distinguished the same 9 cognitive layers:

1. Legal definition of a crime;
2. Atmosphere (setting) in which a crime is committed;
3. Consequences of a crime;
4. Items related to deprivation of liberty;
5. Participants of a crime;
6. Evaluation definition of a crime;
7. Negative emotions, feelings, states and characteristics accompanying a crime;
8. Impact on an offender;
9. Reasons for committing a crime.

Specifics of the 'Crime' Concept in the Russian Cognitive System

The concept CORE consists of the cognitive layers 'Definitions of a crime' (84) – 24% and 'Consequences of a crime' (63) – 18%. People picture to themselves what a crime is, what it is composed of, what it is in particular. At the same time, the most numerous cognitive attribute is 'Legal definitions of a crime – type' (70) – (83%), which once again proves the above-mentioned opinion. It includes such associations as, for instance, *убийство* – 20 (*murder*), *насилие* – 8 (*violence*), *кража* – 8 (*theft*), *ограбление* – 5 (*robbery*), *драка* – 2 (*fight*), *угон* – 1 (*highjacking*), *клевета* – 1 (*slander*). We have also included in this group the following associated adjectives – *совершённое [преступление]* – (*committed [crime]*) and *спланированное [преступление]* – 1 (*planned [crime]*).

The following voluminous cognitive layer is 'Consequences of a crime' (63) – 18%. The most numerous cognitive attribute within this layer is Punishment (41) (or 65%). It includes the reaction word *НАКАЗАНИЕ* (or *возмездие* – 2) – 38 (!) *PUNISHMENT* (or *retribution*) as well as deprivation, restriction of *свобода* – 3 (*liberty*). Among the 70 interviewed Russian respondents, more than half of them named the association 'punishment' as the most strong one. It means that it is enshrined in the Russian

people's consciousness that a CRIME is something that is followed, without fail, by a punishment. Besides, such large number of reaction words can also be explained by a certain precedent text, which the Russians are familiar with. This cognitive layer also includes the attribute 'Consequences of a crime' (21), in which, for instance, quite a frequent reaction word was used *суд* – 13 (*court*), as well as *ответственность* – 4 (*liability*), *вина*, *виновность* – 2 (*fault, guilt*). A minor cognitive attribute with one reaction word is 'Pecuniary punishment' – *штраф* – 1 (*penalty*)

The Near Periphery

is formed by the cognitive layers 'Atmosphere (setting) in which a crime is committed' (48) – 14%, 'Negative emotions, feelings and state caused by a crime' (39) – 11,2% and 'Evaluation definition of a crime' (37) – 11%.

The first cognitive layer includes the following five cognitive attributes: 'Accompanying (parts) of a crime' (21) – 44%, 'Instruments of a crime' (15) – 31%, 'A way to avoid a crime' (4), 'Literature based associations' (4), 'Time of a crime' (1), 'Scene of a crime' (1), 'Preparing to commit a crime' (intent – 1), The most numerous cognitive attribute is 'Accompanying (parts) of a crime' (21) – 44%, which includes such associations as *наркотики* – 4 (*drugs*), *опасность* – 3, (*danger*), *кровь* – 3 (*blood*), *риск* – 1 (*risk*), *экстремальность* – 1 (*extremeness*), *ругань* – 1 (*scolding*), *неизвестность* – 1 (*obscurity*), *смерть* – 1 (*death*), *несправедливость* – 1 (*injustice*) etc. So, we can come to a conclusion that in the Russian people's consciousness a crime is related to *bloodshed, danger, drugs*, etc. In the second most numerous cognitive attribute, 'Instruments of a crime', the most frequently used reaction word is *топор* – 5 (*axe*), which is conditioned by a precedent text all Russians are familiar with, – the 'Crime and Punishment' novel by Fyodor Dostoyevsky, in which the main character committed a crime – killed an old lady with an axe.

The cognitive attribute 'A way to avoid a crime' includes the following three associations: *спрятаться* – 2 (*hide*), *убегать* – 1 (*run away*) as

well as the proverb – *Бережёного Бог бережёт – 1* (*God helps them that help themselves*).

The cognitive attribute 'Literature based associations', included in the layer, is rather interesting: *Достоевский – 3* (*Dostoyevsky*), *роман – 1* (*novel*). This shows that the writer Fyodor Dostoyevsky entered the Russian people's consciousness and his novel 'Crime and Punishment' has become a precedent crime related text. 'Time of a crime' is *ночь – 1* (*night*), and 'Scene of a crime' once again represents a personal association, *Автозавод – 1* (*Avtozavod*). This resident lives in Nizhny Novgorod city, in which one of the districts called 'Avtozavod' (the district where GAZ, or Gorky Automobile Plant ('Avtozavod' in Russian) is located in), is considered to be a district with the highest crime rate in the city.

In the Russian linguistic view of the world, the cognitive layer 'Negative emotions, feelings and state caused by a crime' includes the following two cognitive attributes: 'Negative emotions, feelings and states accompanying a crime' (38) and 'Abilities accompanying a crime'. In the Russian people's consciousness, a crime is a completely negative phenomenon, with which negative reactions are associated. So, the first cognitive layer includes such associations as *страх – 8* (*fear*), *зло – 6* (*evil*), *ужас – 3* (*horror*), *боль – 3* (*pain*), *боязнь – 1* (*dread*), *стресс – 1* (*stress*), *жестокость – 1* (*cruelty*), *горе – 1* (*grief*), *жуть – 1* (*grimness*), *разочарование – 2* (*disappointment*), *страдание – 1* (*suffering*), etc. The cognitive attribute 'Abilities accompanying a crime' includes only one reaction word – *совесть – 1* (*conscience*).

The cognitive layer 'Evaluation definition of a crime' includes the following two cognitive attributes: 'Evaluation definition of a crime – type' (28) – 76% and 'Evaluation definition of a crime – nature' (9) – 24%. The cognitive attribute 'Evaluation definition of a crime – type' includes reaction words, which mean what is a crime from the standpoint of the Russian nation representatives. It is interesting that in the first place here comes *ложь – 6* (*lie*). This means that to tell a lie, to lie for many Russians is

equivalent to committing a crime. Here we can also see *предательство – 2* (*betrayal*), *измена – 1* (*cheating*), *война – 1* (*war*). The Russians are very well familiar with what a war may bring with it, that's why it is considered to be a crime. Here we can also find *хамство – 1* (*rudeness*), *безответственность – 1* (*irresponsibility*), [*преступление*] *совести и чести – 1* ([*crime*] *of conscience and honor*), [*преступление*] *правительства – 1* ([*crime*] *of government*) *против системы – 1* (*against system*). Such personal associations, as *спортивные штаны – 1* (*sports trousers*), *когда машина не починилась – 1* (*when a person didn't manage to repair his/her car*), are also included in this attribute.

The Far Periphery

– is formed by the cognitive layer 'Impact on an offender' (33) – 9%.

The second cognitive layer here is 'Impact on an offender', that includes the following five cognitive attributes: 'Legal documents', 'A set of the behavioral standards prohibiting crime', 'Law enforcement bodies and persons investigating a crime', 'Actions taken to catch a perpetrator' (*задержание – 1* (*detention*), *уголовное преследование – 1* (*investigation*), *расследование – 1* (*criminal prosecution*) and 'Data on a crime' (*доказательства – 2* (*proofs*), *формальность – 1* (*formality*).

The most numerous cognitive attributes here are the following: 'Legal documents' (9) – 27%, including *Уголовный кодекс РФ – 7* (*the Criminal Code of the Russian Federation*), *Конституцию РФ – 2* (*the Constitution of the Russian Federation*) and *закон – 8* (*law*), as well as *права и обязанности – 1* (*rights and obligations*); moreover, these answers were not answers of people specializing in law. It follows that in the Russian people's consciousness a crime is associated with the Criminal Code, establishing the punish ability of such actions, as well as with the Constitution of the Russian Federation and law. A crime constitutes a violation of law, which entails a punishment, the nature of which is specified in the above-mentioned documents. The cognitive attribute 'Law enforcement bod-

ies and persons investigating a crime' is interesting, since 3 reaction words here are милиция – 3 (*militia*), полиция – 1 (*police*) and one respondent wrote 'militia' and added the word полиция ('police') in brackets. Despite the fact that on the 1st of March 2011 the Russian милиция 'militia' was renamed to полиция 'police', the former concept still has not been replaced by the new lexical item in the Russian language speakers' consciousness, which once again gives rise to the matter on expediency of such renaming. There is also a slang expression here – мусор 'mutor' – 1 (meaning *a cop, a pig*), as well an association connected with a movie – Жеглов – 1 (*Zheglov*). Глеб Георгиевич Жеглов (Gleb Georgiyevich (movie patronymic – Егорович (Egorovich) Zheglov is one of the main characters of a novel by Vainer brothers (братья Вайнеры) – «Эра милосердия» 'The Era of Mercy' (1976) and of a movie shot based on this novel, 'The Meeting Place Cannot be Changed' (1979) («место встречи изменить нельзя»). Gleb Zheglov is a field officer of the Moscow Criminal Investigation Department. This movie can also be considered as a 'precedent movie' for the Russian people.

The Extreme Periphery

is formed by the cognitive layers 'Items related to deprivation of liberty' (20) – 6%, 'Participants of a crime' (19) – 5% and 'Reasons for committing a crime' (6) – 2%.

The first cognitive layer consists of the cognitive attributes 'Places of deprivation of liberty', which, naturally, include тюрьма – 16 (*prison*), решётка – 1 (*prison bars*) and сизо [Следственный изолятор] – 1 (*sizo [pre-trial detention center]*), 'Things related to deprivation of liberty' – наручники (*handcuffs*) – 1.

'Participants of a crime' include 'Perpetrators' (15) – 79%, 'Targets of a crime' (2) – 11%, 'Those who were punished for committing a crime' (2) – 11%. The 'Perpetrators' include such reaction words as преступник – 5 (*offender*), маньяк (*maniac*) – 2, бандит – 1 (*bandit*), плохой человек – 1 (*bad man*), 1, злодей – 1 (*villain*), фашист – 1 (*fascists*), etc. There are also personal associations here – ведущий инженер – 1 (*chief engineer*) (employer) and the surname of a subordinate – Бондарь – 1 (*Bondar*), which is connected with dissatisfaction with poor work performed by those people.

Table 1. – Contents of the 'Crime' Concept in the Russian Cognitive System (EN)

Legal definitions of a crime (84)	Legal definition of a crime – type (70)	murder – 20 theft – 8 violence – 6 robbery – 5 stealing – 4 plunder – 3 fight – 2 accident – 2 act of terrorism, terrorist attack – 2 violence (violence against children, violence against animals) – 2 hooliganism – 2 highjacking – 1 causing damage – 1 beating someone – 1 corruption – 1 slander – 1 pedophilia – 1
--	---	---

		terror – 1 bribe – 1 drug abuse – 1 harm – 1 threat – 1 committed – 1 planned – 1 assault – 1
	Legal definition of a crime – nature (14)	violation – 5, violation of law 3–8 action – 3 illegal action – 1 offense – 1 committed by – 1
Consequences of a crime (63)	Punishment (41)	punishment (retribution – 2) – 38 deprivation of liberty 2, restriction of liberty 1–3
	Consequences of a crime (21)	court (justice 1) – 13 liability – 4 fault, guilt – 2 impunity – 1 accusation – 1
	Pecuniary punishment (1)	penalty – 1
Atmosphere (setting) in which a crime is committed (48)	Accompanying (parts) of a crime (21)	drugs – 4 danger – 3 blood – 3 risk – 1 extremeness – 1 scolding – 1 obscurity – 1 death – 1 life – 1 government – 1 edge – 1 injustice – 2 power – 1
	Instrument of a crime (15)	axe – 5 knife 3, knives 1–4 cold weapon 1, weapon – 3–4 gun, guns – 2
	A way to avoid a crime (4)	hide – 2 run away – 1 God helps them that help themselves – 1
	Literature based associations (4)	Dostoyevsky – 3 [‘Crime and Punishment’] novel – 1

Atmosphere (setting) in which a crime is committed (48)	Scene of a crime (1)	Avtozavod – 1
	Time of a crime (1)	night– 1
	Preparing to commit a crime (1)	intent– 1
	Atmosphere (1)	darkness– 1
Negative emotions, feelings and states caused by a crime (39)	Negative emotions, feelings, states and abilities accompanying a crime (38)	fear (fearfully 1, terrible 1) – 8 evil 3, malice 2, anger 1–6 horror – 3 pain – 3 pity – 2 dread – 1 stress – 1 hysterics – 1 hatred – 1 insult – 1 cruelty – 1 suffering– 1 grimness – 1 grief-1 nervousness – 1 emptiness – 1 negative – 1 envy – 1 misfortune – 1 disappointment – 1 psychosis –1
	Abilities accompanying a crime (1)	conscience – 1
Evaluation definition of a crime (37)	Evaluation definition of a crime – type (28)	lie – 3, deception 3–6 betrayal – 2 bad, very bad – 2 war – 1 cheating – 1 deceit– 1 omission – 1 rudeness – 1 irresponsibility – 1 unpunished – 1 crime of conscience and honor – 1 crime of government – 1 absurd – 1 personal – 1 when a person didn't manage to repair his/her car – 1

Evaluation definition of a crime (37)	Evaluation definition of a crime – type (28)	sports trousers – 1 negligence – 1 against system – 1 disrespect – 1 very wrong – 1 sometimes is necessary – 1
	Evaluation definition of a crime – nature (9)	mistake, mistake to commit – 2 bad deed – 1 mayhem – 1 something terrible and with consequences – 1 bloody deed – 1 sin – 1 nightmare – 1 vice – 1
Impact on an offender (33)	Legal documents (9)	Criminal Code of the Russian Federation – 7 Constitution of the Russian Federation – 2
	A set of the behavioral standards prohibiting crime (9)	law – 8 rights and obligations – 1
	Law enforcement bodies and persons investigating a crime (8)	militia – 3 (militia (police) 1, police 1–5 Zheglov – 1 investigator – 1 musors (cops, pigs) – 1
	Actions taken to catch a perpetrator (3)	detention – 1 criminal prosecution – 1 investigation – 1
	Data on a crime (3)	proofs – 2 formality – 1
Items related to deprivation of liberty (20)	Places related to deprivation of liberty (17)	prison – 16 sizo (pre-trial detention center) – 1
	Things related to deprivation of liberty (3)	bars – 2 handcuffs – 1
Participants of a crime (19)	Perpetrator (15)	offender – 5 maniac – 2 Raskolnikov – 2 bandit – 1 bad man – 1 villain – 1 chief engineer – 1 fascists – 1 Bondar – 1

	Target of a crime (2)	victim – 1 old lady – 1
	The one who was punished for committing a crime(2)	convicted – 1 accused – 1
Reasons for committing a crime (6)	Reasons for committing a crime (6)	money – 3 vodka – 1 lucre – 1 lawlessness – 1

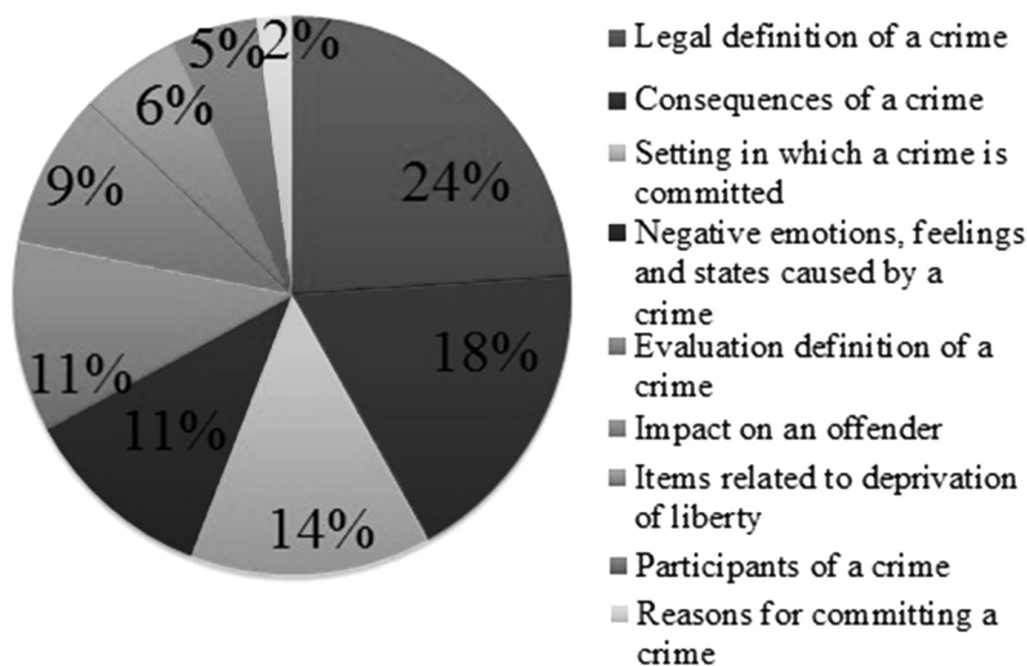

Figure 1. – Structure of the "Crime" Concept in the Russian Cognitive System

References:

1. Fillmore C. H. J. "An Alternative to checklist theories of meaning", BSL, – Vol. 1. 1975. – P. 123–131.
2. Fillmore C. H. J. "A case matter. The new in foreign linguistics", Progress, – Moskva, – Vol. 10. 1981. – P. 369–495.
3. Hudson R. "Some basic assumptions about linguistic and nonlinguistic knowledge", Quaderni di semantica, – Vol. VI. – No. 2. 1986. – P. 284–287.
4. Kubryakova E. S. "About cognitive linguistics and semantics of the term 'cognitive'", Vestnik VGU, – Vol. 1. 2008. (Russian).
5. Lee D. Cognitive Linguistics: an introduction, Press, Oxford University. 2001. URL: <<http://www.emsah.uq.edu.au/linguistic/cogch01.htm>>.
6. Maslova V. A. Linguistic and cultural studies. A manual for higher school students, Academia, – Moskva, 2001. (Russian).
7. Popova Z. D. & Sternin I. A. Essays on Cognitive Linguistics, – Voronezh, 2001. (Russian).

8. Prokudina G. S. "National specifics of the concept of 'crime' in Czech cognitive image of world (on the basis of association experiment)", *Slavica iuvenum XVII*, University of – Ostrava, – Vol. XVII. 2016. – P. 89–100. (Russian).
9. Rosch E. "Family resemblances. Studies in the Internal Structure of Categories", *Cognitive Psychology*, – Vol. 3. 1975. – P. 573–605.
10. Stepanov Ju. S., Zemskaya E. A. & Moldovin A. M. "Language as a system. Language as a text. Language as a competence. A collection of articles". *Collection of papers*, Publishing house of Russian language, 1995. – 284 p. (Russian).
11. Vorkachov S. G. *The concept of happiness in Russian linguistic consciousness: experience of a linguistic and cultural analysis*, – Krasnodar, 2002. (Russian).

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-3-26-29>

*Chumakova Kseniia,
PhD in Germanic Languages,
Faculty of Rehabilitation Pedagogy and Social Work
Khortytsia National Educational Rehabilitation Academy
E-mail: ksenchu@gmail.com*

CULTURE-BOUND MEANS OF “RAILWAY TRANSPORT” CONCEPT VERBALIZATION IN AUSTRALIAN LINGUISTIC CULTURE

Abstract. Nationally specific lexical units verbalizing “RAILWAY TRANSPORT” concept in Australian linguistic culture have been researched, their structural and semantic peculiarities have been further defined.

Keywords: extralinguistic realia, linguistic culture, culture-specific lexical units, concept, semantic analysis, semantic derivation, metaphorization.

It is recognized that concepts are formed in the consciousness of a certain nation representatives under the influence exerted by cultural and social aspects. As stated by N. D. Arutyunova, any cultural layer functions as a kind of intermediary between an individual and the world [1; 3]. The traditions and religious beliefs, art and folklore, as well as values of one’s community can be presented as a unity in such a layer. Contemporary linguistics increasingly focuses on the national concepts and worldview investigation [2, 280]. The latter can be performed through the study of ethnic specificity of concepts based on the research of their culture-bound means of verbalization.

The **relevance** of the current research attributes to the necessity of studying “RAILWAY TRANSPORT” concept nationally specific verbalization means in the Australian linguistic culture, the analysis of which will be further used to structure the mentioned mental unit in Australian worldview.

The research **object** is represented by lexical units verbalizing the researched concept in the Australian linguistic culture. The **subject** is the semantic and structural characteristics of the mentioned verbalisers.

The **material** for the study (2560 units) was selected using the continuous sampling method from printed and electronic defining, ideographic, thesaurus, etymological and associative dictionaries as well as printed and on-line press, encyclopedias and reference books on Australian transport.

The research **aims** to define the structural and semantic peculiarities of the nationally specific verbalisers of the mentioned concept in the Australian linguistic culture.

The aim requires the fulfilment of the following **tasks**:

- the analysis of the nationally specific verbalises in Australian linguistic culture;
- their structural and semantic peculiarities definition.

As B. Whorf suggests, the world is dissected by individuals using language, and the information they receive is organised into concepts, that is mentality units, which encompass all their awareness of both the outer environment and the inner world. The significances are ascribed by individuals who act as “parties of a social agreement to organise the knowledge in this way”, following conventions and beliefs

regarding the reality common for their cultural and speech community [7, 213].

Taking into account the theory of semantic fields used to study concepts, we have performed the semantic analysis of dictionary meanings for the lexemes which verbalize "RAILWAY TRANSPORT" concept in the Australian linguistic culture. This has enabled us to establish that the core of the concept is represented by the archiseme "transport"; the circumnuclear zone includes "train", "movement", and "infrastructure" semes. All the mentioned semes are the most abstract and not nationally specific. Therefore, they would be similar for different linguistic cultures. Nevertheless, the units representing the close periphery, periphery and far periphery contain the semes attributed solely to Australian nation.

According to J. Locke, every language has lexical units equivalents for which cannot be found in other languages; this is determined by traditions and lifestyle [7, 226]. Thus, the necessity to verbalise the extralinguistic realia peculiar for some national community leads to the formation of culture-bound lexemes. The meaning of the latter is either partly or totally absent in other languages, which is the illustration of the national linguistic-conceptual codes divergence.

In order to analyse the semantic and structural peculiarities of the culture-bound verbalisers of the researched concept, we subdivided all of these lexical units into the following thematic groups: 1) geographical (natural and artificial objects surrounding people); 2) ethnographic (lexical units denominating means of transport, occupations, tools); 3) artistic-historical (celebrations, venues, cultural institutions); 4) administrative (lexical units representing unions, bodies, services, companies). It should be emphasised that among the studied 2560 verbalisers of the mentioned concept, we identified 240 culture-bound ones, which is approximately 9% from the total number.

Through the analysis of the culturally specific language units which belong to the "geographi-

cal" thematic group, it has been concluded that the majority of them denominate railway stations, for example, *Canberra Railway Station*, *Christie Downs Railway Station*, *Altona Railway Station*, *Croydon Railway Station*. Notably, the majority of such units contain a toponym or antroponym and can be shortened to it, with the omission of the last two words.

Except the above mentioned units, there are also combinations built according to the structure N_1+N_2 , where N_2 helps to determine a more precise location of the station, such as *City West*, *Largs North*, *Noarlunga Centre*.

As far as the etymology of the toponyms constituting the railways station names is concerned, having analysed the work of C.A. Irish [3], we have identified the following subgroups: 1) those paying tribute to the English (*Albury*, *Canterbury*, *Cheltenham*) or Scottish (*Aberdeen*, *Braemar*, *Carriack*) legacy; 2) names signalling about the indigenous heritage, for instance, *Amaroo* (an aboriginal word meaning "pretty place" or "red love"), *Bellarwi* (an Aboriginal word meaning "river oak tree"), *Bel-lata* (an Aboriginal word meaning "kangaroo"); 3) a number of those which depict the heroism of Australians in world wars, for instance, *Anzac Rifle Range* (formed by the initial letters of the Australian and New Zealand Army Corps who fought at Gallipoli) or *Apex Loop* (adopted from the "Apex" trench at Gallipoli); 4) places named after famous Australians, such as *Adamstown* (after P. F. Adams), *Alectown West* (after the original prospectors, Alexander Cameron, Alexander Patton and Alexander Whitelaw), *Belmore* (after Governor Belmore); 5) a subgroup of those denoting the particular function formerly performed by the place or its physical resemblance, for example, *Abattoir* (slaughterhouse), *Zig Zag* (so called as a portion of the line was constructed in the manner of a zig zag); 6) names which come from some natural features or localities, such as *Bluff Rock* (after the rock name), *Boambee* (after the name of an adjacent creek), *Broadmeadow* (describes the locality).

Furthermore, the mentioned thematic group includes the names of railway bridges, viaducts and tunnels. Among such verbalisers the majority has the structure $N_{1a} + (N_{1b}) + N_2$, where $N_{1a} + (N_{1b})$ is a toponym or antroponym, pointing to the location or person after whom the object is named, and N_2 defines the type of such object, for example, *John Whitton Bridge, Lithgow Underbridge, Sandgate Flyover, Sydney Harbour Bridge, Acton Tunnel, Red Hill Tunnels*. Such structure as $N_{1a} + (N_{1b}) + N_2 + N_3$ is also used, where N_{1a} and N_{1b} are topomym, N_2 is either lexeme “rail” or “railway”, and N_3 determines the type of object, for example, *Burwood Rail Underbridge, Como Railway Bridge*.

Only about 5% of the verbalisers from this thematic group contain some additional description of the structure, length, functioning system, appearance, such as: *Eastern Distributor Tunnel, Tugun Bypass Tunnel, Tramway Lift Bridge over Maroochy River*.

The mentioned thematic group also includes the names of railways. All of such verbalisers are multi-component word groups, the elements of which denote location, movement direction or railway type, for example, *Commonwealth Railways, New South Wales Government Railways, Australian Railways, Western Australian Government Railways*.

Among the constituents of “ethnographic” thematic group, there are mainly means of transport nominations. It is worth mentioning that a certain number of Australian rolling stock trains have their own proper names or nicknames, among which we have identified among the following semantic groups: 1) animalisms: *Bandicoot, Pig, Tangara, Tin Hare*; 2) those named after prominent personalities: *Harris* (after N. Harris, Chairman of Commissioners of the Victorian Railways), *The Fish* (19th century trains from Sydney to Penrith were driven by J. Heron, a large man nicknamed The Big Fish); 3) those denoting the colour: *Blue babies, Brown Bomber, Creamy Kate, Silver, White Set*; 4) ones with metaphorical meaning: *Southern Aurora, Spirit of Progress, Cyclop*; 5) those, pointing at the sound produced:

Rattler; 6) those, which concentrate on the territory or time of running: *Albany Weekender, Brisbane Express, Inlander, The Midlander*; 7) anthropologisms (transferring individual’s function to the means of transport): *Prospector*; 11) purpose-oriented ones: *Cooma Mail, The Shopper, Fruit Flyer, School Train, Food-and-drink experience trains, Train of Knowledge* (school camp on wheels), *The Medical Train*.

The mentioned thematic group also includes procedures and everyday objects from the life of Australian railwaymen. Many of such verbalisers are used mainly by professionals at work, for instance, two trains on the same mainline are called “*twix*”; “*peg*” substitutes the longer term rain staff (token).

The mentioned thematic group also includes connotative names of professions and occupations, for example,); personnel who check tickets on trains or at stations are called “*snappers*” (from “*snap*” – done or taken on the spur of the moment, unexpectedly).

Interestingly, a lot of Australians have a hobby of trains watching or studying. Thus, there are lots of nicknames for such enthusiasts, for instance: *Gabby* (a rail enthusiast or train spotter who photographs Hitachi suburban electric trains in particular) or *Gunzel* (a rail or tramway enthusiast).

The names of museums and cultural centres dominate in the group of artistic-historical verbalisers of the studied concept. All of such lexical units are represented by 2–6 component word groups, the first element of which, is a toponym, denoting the location, the second element is a noun (or Adj+N), referring to the object such place is dedicated to, and the third element determines the type of institution, for instance, *Canberra Railway Museum, New South Wales Rail Transport Museum, Steamtown Heritage Rail Centre, Valley Heights Locomotive Depot Heritage Museum*. Additionally, the mentioned thematic group includes a small number of cultural venues. Structurally, the majority of them can be presented as 2–3 component word groups, for example, *Aus-RAIL 2020, Hunter Valley Steamfest*.

The thematic group of "administrative" nationally specific verbalisers of the studied concept includes the names of organizations, companies and entities. Such lexical units are mainly 3–7 component word groups, which point at the purpose and territory of functioning, for example, *Australian Rail Track Corporation*, *Australian Locomotive and Rolling Stock Leasing Company*, *Australian Rail Track Corporation (ARTC)*. This thematic group also includes the name of a railway transport producer – *UGL (United Group Limited) Rail*.

Thus, among the researched culture-bound verbalisers of RAILWAY TRANSPORT concept in the Australian linguistic culture, the majority are represented by word groups, which contain a toponym or an antroponym. A certain tribute to indigenous culture is paid by the representatives of the Australian linguistic culture, which is proved by a big number of the studied concept verbalisers originating from the indigenous language. Moreover, a big number of the lexical units we have studied belong to connotative words functioning as synonyms for neutral lexical units.

References:

1. Арутюнова Н. Д. Вступление // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3–7.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. – М.: "Academia", 1997. – С. 280–287.
3. Irish C. A. Names of Railway Stations in New South Wales with Their Meaning and Origin. – Sydney: Royal Australian Society, 1927, – P. 99–144.
4. Blainey J. The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History. – Sydney: Macmillan, 2001. – 413 p.
5. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. – London: "Everyman's Library", 1976 (1690), – 362 p.
6. Railway digest / Australian Railway Historical Society, New South Wales Division, 2016–2020.
7. Whorf B. Language, Thought and Reality. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. – 278 p.
8. URL: <http://www.infrastructure.gov.au/rail>
9. URL: <https://magora-systems.com/it-solutions-for-australian-railways>
10. URL: <https://www.australian-trains.com>

Section 2. Philology

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-3-30-36>

*Ivanytska Iuliia Valerievna,
PhD in Linguistics Associate professor,
Department of German Philology
Faculty of Romance and Germanic Philology
Odessa I. I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine
E-mail: juliia21-76@ukr.net*

GENETIC ORIGINS AND CONDITIONS OF GENERATION OF THE GRAMMATIC NUMBER OF A NAME IN GERMAN

Abstract. The present article is devoted to the origin, development and functioning of grammar category of number. The material allowed us to specify the well distinguished realization of singular and plural number in the nouns which refers to the primitive preliterate time.

Keywords: grammar category of number, plural, singular.

*Иваницкая Юлия Валериевна,
к.ф.н., доцент кафедры, немецкой филологии факультет РГФ
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова
г. Одесса, Украина
E-mail: juliia21-76@ukr.net*

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И УСЛОВИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЧИСЛА ИМЕНИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме зарождения, развития и функционирования грамматической категории числа. Установлено, что зарождение грамматических форм числа основывается на признаках развития общего понятия числа, которое имело лексические формы реализации. Прослежена хронология зарождения грамматической категории числа.

Ключевые слова: грамматическая категория, множественное число, единственное число, диахрония.

При углубленном изучении истории древних германских языков можно обнаружить множество германских и общеиндоевропейских черт, основанных на общности этих языков. При этом, уже в древнейшем известном нам состоянии лю-

бого германского языка, грамматический строй имеет задатки тех особых тенденций развития, которые обуславливают самобытность каждого языка и приводят к тому, что современные германские языки по своему грамматическому

строю гораздо дальше отстоят друг от друга и от других современных индоевропейских языков, чем после распада языка-основы.

Несмотря на то, что в германистике имеются исследования, касающиеся истории развития числа существительных в отдельных языках [1; 10; 2; 20; 21; 19], в них лишь в общих чертах рассматривается становление данной категории, появление грамматических маркеров и особенностей развития, в то же время не изучаются генетические истоки и условия зарождения грамматического числа. В большей степени это относится к рассмотрению грамматической категории числа в немецком языке, в котором объектом наблюдения выступает в основном реализация числа в синхронии [6; 11; 5].

Актуальность проводимого нами исследования подтверждается существующим в современной германистике направлением изучения грамматических единиц и категорий, а также обусловлена отсутствием комплексного подхода к рассмотрению грамматической категории числа и ее эволюции в немецком языке. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить относительно полную картину зарождения и становления категории числа в языках, а также в том, чтобы выделить связанный с объектом нашего изучения узел проблем, требующих дальнейшего рассмотрения на конкретном языковом материале.

Грамматическая категория числа прошла длительный путь развития, прежде чем стала в языках в современном виде. В индоевропейском праязыке понятие числа зародилось из противопоставления «целое/часть», которое первоначально образовывало бинар, то есть «двуединую» вещь [3; 18; 16]. Затем из указанной оппозиции образовались числа «два/один». В целом, как пишет В. Г. Таранец, количественное различие предметов мышления древнего человека прошло такие этапы: «бинар (двуединая вещь)» → «целое/часть» → «множественность/единичность» → «два/один» [16, 263].

В основе древней оппозиции числа находилось понятие «целое/часть», которое в далеком прошлом представляло собой множество предметов, а также один предмет из совокупности. Однако было время когда «часть» и «целое» образовывали собой синкретическое единство, когда «часть и целое» были тождеством [18, 25]. В этом случае имело место смещение смысловой доминанты, как отмечает А. А. Холодович, «перемещение семантического центра радикально меняет и форму отношения. Тождество содержания, очевидно, находит свое выражение в тождестве форм» [18, 26]. Отсюда следует генетическое родство форм реализации единичности и множественности. Здесь же необходимо отметить то, что до зарождения оппозиции «целое/часть» в индоевропейских языках существовало наименование совокупности однородных предметов. Таким образом, древнейшее состояние количественной величины, которая, как мы считаем, может рассматриваться как исходная при зарождении оппозиции множеств, находило выражение в индоевропейских словах, имеющих собирательное значение. Именно в таких словах в единой форме сочетаются значимости единого и множественного, то есть части и целого.

Несмотря на внешнее тождество формы, считает А. А. Холодович, единичность и множественность «расчленены и в мышлении и в языке и не являются тождеством по внутренней форме и по содержанию» [18, 32]. Неразличимые в лексемах собирательности, единичное и множественное, постепенно пришли к формальному обозначению последнего, что и послужило толчком к зарождению языковых признаков числа. В это время связь между единичностью и множественностью нарушается, последнее «отрывается от единичного» и находит выражение в различных признаках языка: в дифференциации ударения, основ, расхождении основ [18]. Однако эти первые признаки относились к лексической стороне слова и лишь со временем

стали прообразами грамматических показателей числа.

К следующему этапу в развитии числа относится выделение части из целого, то есть одного предмета из множества однородных ему предметов. Этот период приходится также на время существования общиндоевропейского языка. В это время происходило «замещение антитезы единства части и целого антитезой единичного и множества» [18, 29]. Как показывают исследования, выделение 'части' из 'целого' явилось итогом бинарного расчленения совокупности предметов, что послужило основой противопоставления одной части (единицы) по отношению к целой, хотя и уменьшенной совокупности [16, 30]. В итоге форма слова стала выражать противопоставленность <одна часть>/>целое>, или другими словами <один>/>два (много)>. Однако надо иметь в виду, что в рассматриваемое время форма <два> имела значение как <две единицы>, так и <много единиц>. В этот период количественные преобразования свидетельствуют о зарождении парциального значения в словах, а это значит, что <часть> вышла из <целого>, то есть <множественности, двойки>. Такое понимание высказывал М. Я. Марр, когда писал, что раньше была все-таки «множественность и потом единичность, как ее часть, как ее противоположность» [10, 19]. «Над частью, над единицей тяготеет связь ее с целым, с множеством, – отмечал также А. А. Холодович, – свойства целого множества оказываются, таким образом, и свойствами части, единичного» [18, 29–30]. Следовательно, формы множественного числа являются более архаичными, чем единственного.

На следующем этапе развития мышления и форм выражения количественных противопоставлений в индоевропейском языке следует отметить утверждение противопоставления <один>/>два>, с одной стороны, и <много> с другой. В этом случае, один предмет противопоставлялся двум однородным предметам в единой

совокупности, но в то же время это противопоставление происходило на фоне общей множественной совокупности. Постепенное расширение числового ряда порождало и закрепляло в языке новые оппозиции, в которых единица противопоставлялась трем, четырем, пяти единицам и так далее и до тех пор, пока новые осознанные совокупности чисел не привели к зарождению понятия счетного, но бесконечного множества.

Осознание нового множества чисел привело к некоторым обобщениям существующих оппозиций единицы и других подмножеств. По отношению к индоевропейскому языку это означает закрепление в языковом выражении трех чисел: единственного, двойственного и множественного, которые были унаследованы после распада языка на языковые ветви.

Очевидно, что к моменту распада языка-основы в нем реализовались средства выражения единственного, двойственного и множественного чисел. Дифференциация числа в именах существительных представляет собой процесс лексико-семантический и грамматический [18, 35]. Наиболее ранним средством выражения множественности А. П. Рифтин считает «синтаксический способ и удвоение корня, наиболее типологически поздним – внутреннюю флексию» [15, 37]. Рассматривая генезис категории множественного числа, он называет следующие языковые признаки последнего: «1) удвоение корня, 2) аффиксацию, 3) внутреннюю флексию, 4) ударение, 5) служебные слова», кроме того, множественность может быть выражена синтаксически «в пределах определительных и предикативных отношений» [15, 37].

Согласно существующим философским воззрениям логический строй мыслительного процесса является одинаковым для всех людей и не зависит от типа языка. Об этом писал еще А. А. Потемня, отмечая, что категории логики «народных различий не имеют» [13, 69]. Среди ученых, поддерживающих эту идею, необходимо

назвать в частности В. З. Панфилова, П. В. Чеснокова [19, 39]. Исходя из того, что разноязычным народам присущи единые логические категории и сходные пути развития мышления, независимо от того, к какому языковому типу эти народы относятся, вышерассмотренное позволяет принять концепцию, согласно которой зарождение числа прошло такие основные этапы развития:

1) период существования собирательных имен, когда в одной форме совпадали единичность и двойственность (множественность);

2) время зарождения понятия парциальности, когда часть (единица) отделилась от целого (двойности, множественности);

3) этап существования бесконечной счетной множественности, когда обособляются единица и двойка, противопоставляющиеся большой множественности.

Третий этап развития числа свидетельствует о времени существования в индоевропейском языке трех чисел: единственного, двойственного и множественного. Исходя из вышесказанного, выражение чисел первоначально носило лексический характер, грамматические признаки числа появляются позже, однако зарождение их происходило постепенно, следуя лексическим преобразованиям. Остановимся на этой стороне вопроса.

В классическом языкознании считается, что в развитии индоевропейского языка было время, когда отсутствовали суффиксальные и префиксальные элементы. Это был период существования корневой морфемы (*Wurzelperiode*), такой набор однокорневых слов характеризовал слово на раннем этапе существования индоевропейского языка, который относят к языку агглютинативного типа [20, 32; 2, 45; 10, 91]. В это время одно и то же слово могло обозначать и действие, и предмет, и ситуацию в целом [7, 10].

В ходе развития сложных словесных образований в языке-основе один из корней менял свою лексическую значимость, все больше и больше абстрагируясь. В итоге отдельные лексемы в со-

ставе слова со временем теряли свое первоначальное лексическое значение и принимали функции грамматические. В процессе делексации семантических элементов и образования морфологических единиц происходило преобразование языка в новый, флективный, тип. Отсюда следует, что грамматические значения вышли из лексических, грамматикализация последних и привела постепенно к образованию грамматических форм и значений. Эта точка зрения находит подтверждение в многочисленных исследованиях генезиса грамматических единиц.

Следует также обратить внимание на тот факт, что процессу грамматикализации подвергаются не произвольные лексемы. Так, пишет Т. А. Майсак, источниками предлогов часто выступают слова, означающие части тела, в качестве артиклей представлены бывшие указательные местоимения, а в ранг грамматических показателей нередко переходят слова с пространственным значением, в общем случае, грамматикализация представляет собой частный случай семантических изменений [9, 11–12].

В отношении категории числа, которая была рассмотрена нами выше, можно заключить, что грамматической категории числа предшествовали лексемы числа. Очевидно, что словесное обозначение конкретного числа в результате постепенного абстрагирования преобразовывалось в грамматический показатель, выражающий различные множества количественного понятия. Новый формальный маркер числа мог употребляться в принципе с любыми именами, выражающими количественную оппозицию в языке. Такие формальные показатели находятся в основе индоевропейских словообразовательных аффиксов.

Ф. Ф. Фортунатов считал, исходя из анализа образования слов в различных языках, «что древнейшие суффиксы и префиксы возникали из отдельных слов» [17, 149]. Такого понимания придерживался Г. Пауль, который писал, что словообразовательные и словоизменительные

элементы в слове «появились благодаря сращению первоначально самостоятельных слов» [21, 414]. В результате анализа грамматических формантов имени существительного в языках различного типа Н. М. Курманбаев приходит к выводу о том, грамматические форманты: «падежные окончания, предлоги, послелоги и артикли имеют лексическое происхождение», и далее продолжает, что первичные грамматические форманты имени «могли возникнуть только после того, как возник лексический уровень языка, только после того, как лексемы начали сочетаться друг с другом» [8, 26–27]. «Развитие слова в словообразовательный аффикс – это процесс длительного, многовекового абстрагирования от частного и конкретного лексического значения с переходом к более отвлеченному значению» [8, 42].

В исследованиях можно встретить многочисленные свидетельства фактов преобразования лексических единиц в грамматические. Так Е. Курилович рассматривал случай, когда собирательный суффикс *-ha* в персидском языке в результате его делексистализации превратился в формант множественного числа [7, 62]. Л. И. Потеха, рассматривая отдельные предлоги в современном украинском языке, приходит также к выводу о том, что их первичная значимость восходит к лексемам с пространственным значением, на которых основываются последующие грамматические явления [18, 221].

Рассмотренные выше процессы преобразования лексических единиц в грамматические относятся ко времени существования единого индоевропейского праязыка. В период распада праязыка на отдельные языковые ветви в его системе уже была развитая сеть отношений грамматических единиц, которые образовывали, как правило, трехморфемную структуру слова. Последняя включала в себя корень, основообразующий суффикс и флексию. В то же время в языке существовал древний слой слов, которые не имели суффикса, так называемые «атематические слова» [1, 58]. Эти слова

состояли из корня и флексии и оставались двуморфемными. По отношению к имени существительному считается, что имена имели в себе основные грамматические категории падежа, числа и рода. Однако, как было отмечено выше, грамматическим показателям в диахронии предшествовали конкретные лексические наименования, из которых позднее развились соответствующие аффиксы.

Индоевропейский праязык был намного богаче формами склонения и спряжения, чем более поздние отдельные индоевропейские языки. В момент распада он имел формы трех различных родов (мужского, среднего и женского), а также трех различных чисел (единственного, двойственного и множественного) для имени и глагола. У нас нет абсолютно достоверных сведений о том времени, когда германский праязык. Это выделение из индоевропейской общности протекало, несомненно, постепенно и заняло ряд столетий. В системе германских грамматических форм произошли некоторые изменения по сравнению с индоевропейским праязыком, что однако не привело к коренному преобразованию всей системы.

Как уже говорилось, грамматическое число покоится на смысловых отношениях количества. Следовательно, в истории развития числа необходимо различать два крайних периода: первоначально число выражалось в языке только лексически; его противоположность представляет то время, когда образовались формальные показатели числа и эта категория стала грамматической. Однако между этими крайними временными отрезками имеет место переходный период, время зарождения и становления грамматического числа, время, когда сосуществовали параллельно лексические и грамматические средства выражения числа.

Преемственность между старыми и новыми в развитии каждого грамматического явления обеспечивает грамматическому строю устойчивость, вместе с тем постоянно осложняет как систему словоизменения, обуславливая наличие в ней разнообразных форм для выражения еди-

ной грамматической категории, так и систему значений, и норму употребления той или иной грамматической формы.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что только с учетом знаний особенностей развития понятия числа, исторического измене-

ния языковых единиц, путей преобразования лексических значений в грамматические, неравномерности и постепенности изменения элементов грамматического строя возможно исследование истоков категории числа имени существительного, его зарождение и становление.

Список литературы:

1. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. – М.: Наука, 1981. – 249 с.
2. Жаботинская С. А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных: на материале современного английского языка: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1992. – 336 с.
3. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.: Наука, 1965. – 108 с.
4. Клычков Г. С. Вариативность индоевропейских языков дописьменного периода // Вопросы языкознания. 1975. – № 2. – С. 100–110.
5. Конкин С. О. Вариативные формы мн. числа имен существительных в современном нем. языке. Диссерт. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 418 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Курилович Е. С. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике, вып. 4. – М., 1965. – С. 54–72.
8. Курманбаев Н. М. Происхождение грамматических категорий. – Алма-Ата: Мектеп, 1981. – 128 с.
9. Майсак Т. А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания, 2000. – № 1. – С. 10–32.
10. Марр Н. Я. Язык и мышление. – М.–Л., 1931. – 341 с.
11. Миронов С. А. Категория числа // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. – М.: Наука, 1977. – С. 161–175.
12. Новикова Е. Н. Фразеологические единицы с нумеративным компонентом в современном немецком языке (к проблеме репрезентации категории количества). Автореф. ... канд. филол. наук. – К., 1991. – 18 с.
13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Том 1–2. – М., 1982. – 536 с.
14. Потеха Л. І. Семантичні поля конструкцій з первинними прийменниками // Наукові записки (Кіровоградського держ. пед. ун-ту ім. В. Винниченка). – Випуск 31. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. Винниченка, 2001. – С. 220–224.
15. Рифтин А. П. Из истории множественного числа // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук, № 69, вып. 10. – Л.: изд-во ЛГУ, 1946. – С. 37–53.
16. Таранець В. Г. Генезис граматичної категорії числа в індоевропейських мовах // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Іноземна філологія на межі тисячоліть. – Харків: Константа. 2000. – С. 261–272.
17. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – Т. 1. – М., 1956. – С. 21–197.
18. Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук, № 69, вып. 10. – Л.: изд-во ЛГУ, 1946. – С. 15–36.

19. Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог: изд-во Таганрог. гос. пед. инст., 1992. – 354 с.
20. Braune W. Althochdeutsche Grammatik. 14. Auflage (bearbeitet von H. Eggers). – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. – 358 p.
21. Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. – 23. Aufl./neu bearb. von P. Wiehl u. S. Grosse / – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. – 645 p.
22. Reichmann O. Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. – Wahler de Gruyter – Berlin – New York, 1998. – 1013 p.

Contents

Section 1. Linguistics	3
<i>Barkar Uliana, Chernega Svitlana</i> POLYSEMY OF THE NUMERAL “ONE” IN GERMAN, ENGLISH AND UKRAINIAN PHRASEOLOGICAL UNITS.....	3
<i>Zorichich Nika</i> ENGLISH LOANWORDS IN RUSSIAN AND CROATIAN MASS MEDIA TEXTS (ON THE EXAMPLE OF THE “BEAUTY INDUSTRY” LEXICON)	8
<i>Prokudina Galina Sergeevna</i> NATIONAL SPECIFICS OF THE ‘CRIME’ CONCEPT IN RUSSIAN AND CZECH COGNITIVE SYSTEMS (EXPERIMENTAL STUDIES). PART I	16
<i>Chumakova Kseniia</i> CULTURE-BOUND MEANS OF “RAILWAY TRANSPORT” CONCEPT VERBALIZATION IN AUSTRALIAN LINGUISTIC CULTURE	26
Section 2. Philology	30
<i>Ivanytska Iuliia Valerievna</i> GENETIC ORIGINS AND CONDITIONS OF GENERATION OF THE GRAMMATIC NUMBER OF A NAME IN GERMAN	30